

*Посвящается 126 000, и тем, кто такими считается,
и тем, кто заботится о них*

Нет большего стыда для человека,
чем жестокость...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

ПРОЛОГ

*Много лет назад, во времена,
ставшие легендой...*

Кузнечный горн горел сапфирами в свете многочисленных солнц Аннуна. Металл, который не был металлом, истекал вспышками инспайров в мерцающий воздух, обретая форму. Феи склонялись над их изделием, по очереди опуская молоты на лезвие. Мерлин, старший и сильнейший, сунул обнаженные руки в огонь, чтобы вылепить из тающих кристаллов эфес.

— Уже готово? — Голос прозвучал из темноты в глубине помещения.

— Скоро, — ответила Андраста¹, поднимая голову, чтобы перевести дыхание.

Морской ветер со свистом врывается в открытые двери холла. Острый привкус соленой воды и водорослей проник в горло Андрасты. Она бросила взгляд на своего возлюбленного, ожидавшего в тени.

¹ *Андраста* — кельтская богиня победы, а также богиня женщин-воительниц.

— Осталось всего одно, — сказал Мерлин, когда эфес и лезвие с шипением соединились. — Ты уверен, что хочешь этого?

— Уверен, — ответил тот, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Мерлин кивнул и положил на эфес морщинистую руку. Феи последовали его примеру. Андраста была последней. Ей бы следовало радоваться, делая это для него. Богиня и смертный. До этого она любила многих мужчин и женщин в Итхре, но никогда у нее не было такого, как он. Так почему ее терзает неуверенность? Почему ее кости — вернее, некое их подобие — дрожат при виде этого дара?

— Я в долгу перед вами, — сказал он, обращаясь как бы ко всем сразу.

Мерлин, конечно, подумал, что это относится к нему, но Андраста знала, что эти слова сказаны только для нее. Его голос прозвучал так искренне, что она отбросила свои опасения как сомнения гордой женщины. Она исполнила его приказы — согнула свою волю, чтобы сделать это. Кузнечная работа была самой легкой частью.

Они работали как единое целое, распутывая истории, что соединяли их, и находя общие нити. От Мерлина, перворожденного, взяли коварство. Нить Нимуэ¹ была более изысканной: сила духа. Нить Пака была яркой: он дал желание. Двойняшка Андрасты бог Луг дал силу. Дар Андрасты был множественным, и это была власть. Были и другие дары, помельче, от мириад фей: память, предвидение, обаяние... И каждый дар истекал из фей блистающим инспайром, прежде чем погрузиться в меч.

¹ Нимуэ — одно из имен Озерной феи, или Владычицы Озера, в цикле легенд о короле Артуре.

Андраста ощущала, как ее собственная сила уменьшалась, когда она вжимала свой дар в металл. «Это ничего не значит, — думала она, — потому что, когда все будет сделано, для нас всех появятся истории».

Наконец, увидев, что все в порядке, феи отступили. Андраста подошла к возлюбленному и прижалась к его лбу своим блестящим от жары лбом. Он посмотрел ей в глаза тем взглядом, который ее восхищал: он говорил ей, что знает ее так, как никогда не знал ни один смертный.

— Готово, любимый, — произнесла она.

Он поцеловал ее в щеку, а потом шагнул мимо нее, чтобы посмотреть на то, что они сделали. Остальные, вся семья Андрасты, тяжело дышали. Свет инспайров, окружавший их, стал тусклым. Все они ослабели от усилий творения. И смотрели, как он достал оружие из огня. Оно зашипело, обжигая его ладонь, но он не обратил внимания на боль. Он взмахнул рукой, и инспайры потекли по его мышцам, исцеляя сожженную кожу.

А он пристально всмотрелся в меч.

— Он безупречен, — заверила его Андраста.

Она никогда не создавала ничего столь прекрасного и столь могучего. Нити фей вплелись фиолетовым с золотом рисунком в хрустальный эфес и в лезвие. Когда он поворачивал меч, свет, падавший в открытые двери, отражался на лицах окружавших разноцветными пятнами.

— Да, — наконец-то улыбнувшись, произнес он. — И вправду хорош.

То, как он это произнес, заставило Андрасту замереть. Она потянулась было к нему, но он небрежно отклонился, шагая к выходу.

— Мы свою часть сделки выполнили, — прохрипел Мерлин. — Ты у нас в долгу.

— Мы все получим свои истории, так или нет? — спросила Нимуэ. Ее высокий голос разнесся под сводами.

— Мы проголодались! — заявил Пак, подлетая к Андрасте. — Когда нас накормят?

Но Андраста промолчала. Она следом за возлюбленным вышла на свежий воздух. Снаружи с одной стороны перед ними расстилались волнистые равнины Дивнайнта. С другой — холмы Суморсэта подступали к морю, согретому солнцем.

— Мы собирались вместе восстановить Аннун, — грустно произнесла Андраста.

На лугах внизу резвились бесенята-импы и пикси. Вдали какой-то гигант затаился в тени, стараясь поймать морских духов.

— Это всё творения дьявола, — мягко произнес он, так что его могла услышать лишь Андраста. — Я не подвергну опасности моих подданных.

— Пожалуйста, милорд, — кивнула Андраста.

Но он отвернулся от нее, высоко поднимая меч. Он взревел — Андраста никогда не слышала ничего подобного ни от одного человеческого существа. И в то мгновение она окончательно поняла, что главная любовь всего ее бессмертного существования предала ее. Сердце Андрасты разбилось, и она поклялась, что однажды, пусть через много лет, она все исправит.

1

Теперь, во времена, когда легенды забыты...

— Пригнись, Ферн! — рявкнул Олли и, не трудясь проверить, услышала ли я его, швырнул свой чакрам¹ прямо над моей головой.

Я уклонилась вовремя и почувствовала, как лезвия просвистели прямо по концам моих волос. Глухой удар сказал мне, что Олли поразил свою цель.

Я уже готова была обругать брата, когда жуткий вопль предупредил нас о появлении другого кошмара. На этот раз им оказалась женщина с ввалившимися щеками и спутанными волосами. Она напомнила мне бездомных, которые обитают у автобусных остановок в Стратфорде, рядом с моим домом. Но сейчас я не могла о них думать. Я развернула Лэм на месте, нажав лодыжками на ее бок, и ударила кошмар ятаганом в грудь. Лезвие прошло насквозь, и женщина вспыхнула, снова превращаясь в инспайра.

¹ Чакрам — индийское метательное оружие, представляет собой плоское металлическое кольцо, отточенное по внешней кромке.

В наушниках моего шлема раздался голос Рейчел:

— Бедеверы, по переулку движутся еще такие же. С востока, поспешите.

Потом прозвучал голос Самсона. Он находился рядом с нами, мы едва ли не касались коленями, сидя верхом на лошадях, но я услышала его через шлем:

— Кантабрийское кольцо!

В ответ на его приказ мы должны были повернуть лошадей, выстроившись на улице в круг, лицом наружу. Мы находились неподалеку от больших музеев Кенсингтона, в пределах слышимости арий, звучавших в Альберт-холле, в нескольких кварталах от нас. Когда я только еще присоединилась к рыцарям, эти улицы были заполнены уличными музыкантами, сфинксами и редкими стаями яростных вервольфов. Теперь здесь бродили бесформенные инспайры, ожидая, когда кто-нибудь из тех, у кого еще осталось воображение, придаст им конкретный вид.

Наш патруль предположительно должен был пройти вокруг Трафальгарской площади в лабиринты Сохо, но полк гэвейнов подвергся нападению, так что Самсон вызвался закрыть оба маршрута. Многих это заставило недоуменно вскинуть брови, но я могу понять Самсона: он же командир рыцарей, а мы с Олли самый ценный актив танов¹, и если кому-то и следовало взять на свои плечи лишний груз, так это нам.

Топот ног по асфальту становится громче — наши харкеры точно определили ситуацию. Но теперь это становится все труднее. Прежде кошмары было легко за-сечь. Они обычно бывали великанами, или эльфами, или

¹ *Таны* — вожди шотландских кланов в старой Англии.

огромными жуками... А теперь почти каждый кошмар имеет человеческий облик. Не то чтобы их невозможно было обнаружить, но это делает работу харкеров — и нашу собственную — сложнее с каждым днем.

Слышатся крики — вой и бормотание помесей людей и монстров. Лэм тихонько ржет, и я прижимаю ладонь к ее шее, стараясь успокоить лошадку.

Потом оглядываюсь на Олли:

— На этот раз я предпочла бы услышать предупреждение заблаговременно — ты едва не снес мне голову!

Олли в насмешливом салюте поднимает свой чакрам и усмехается, но это уже не та усмешка, какой он одарял меня год назад. Я строю гримасу, Вьен и Линнея позади меня хихикают. Это привычно для нас — так мы привносим немного легкости в темную работу, которую сейчас выполняем.

Первый из кошмаров стремительно выбегает из переулка, и мы создаем обработанную формацию. Эти кошмары имеют вид людей, но ведут они себя не по-человечески. Некоторые подпрыгивают и раскачиваются на фонарных столбах, другие скачут на четвереньках.

Мы принимаемся за дело по большей части молча, стараясь не обращать внимания на то, что у нас возникает ощущение, будто мы убиваем людей, а не ночные кошмары.

— Нужна помощь! — слышу я крик Линнея.

Ее окружили кошмары, за ее спиной стена, а ее оружие — булава — лежит далеко, ей до него не дотянуться.

— Иду! — говорю я в шлем.

Прямо из седла я взлетаю в воздух, уворачиваясь на несколько мгновений от когтей привязанных к земле кошмаров. Вызывать мою силу, Иммрал, теперь становится

легче, но все равно это требует немалого сосредоточения, а мне его не достичь, находясь в центре схватки. Знакомое потрескивание в затылке появляется быстро, и я бросаю всю силу на кошмары, окружившие Линнею. Они сопротивляются. Я ощущаю, как сотни воображений поддерживают их форму, волна страха и предубеждений придает им силу. Я чувствую инспайров, что тянутся сквозь кости, и мышцы, и кожу кошмаров, и мысленно выдергиваю их, складывая, как оригами. Головы к ногам, потом к поясу. Руки кошмаров слабеют и скручиваются, суставы лопаются. Это ужасно, но действительно. Линнея отпрыгивает в сторону, хватая свою булаву и присоединяется к схватке.

Было время, когда последний удар по стае кошмаров стал бы поводом к ликованию. Но теперь, когда Самсон подстреливает последний сон — старика с растрепанными волосами и еще более растрепанной бородой, — никто не радуется. Мы этого не говорим, но чувствуем. Эти кошмары обозначают огромные перемены в умах сновидцев. Их воображение сжалось, оно не в состоянии представить ничего более страшного, чем некто, похожий на них, но все-таки другой.

— Зовите команду чистильщиков, — говорит в свой шлем Самсон.

И через несколько мгновений улицы заполняются аптекарями и венеурами. Это нечто новое. Становится все труднее не задевать сновидцев во время таких схваток, поэтому нужны аптекари. А венеуры — это попытка хотя бы немного изменить умы ближайших сновидцев, дать им дружественный посыл, оттолкнуть от узконаправленного мышления, которое в последнее время становится преобладающим. Теперь стало обычным делом увидеть

какого-нибудь морригана¹, клюющего сновидца, или венеура, уводящего сновидца, чтобы удалить страх и гнев, ввевшиеся в него, как оспины. Или как семена.

— Ты в порядке, старушка? — спрашивает у Лэм один из венеуров, возвращая меня к реальности.

На его плече сидит морриган с колпачком на голове и копается клювом в волосах венеура. Кого-то другого это определенно могло бы напугать — ведь морриганы питаются воображением и воспоминаниями, так что держать их подальше от собственных мозгов казалось бы наиболее разумным. Но этот венеур ничуть не тревожится.

— Эй, не называй мою малышку старухой, Брендон! — говорю я ему, стараясь сделать строгое лицо.

— Да она не против, правда, древнее существо? — откликается венеур, поглаживая морду Лэм. — О! — Он изумленно смотрит на меня. — Она меня куснула!

— Я предупреждала.

— Меня за всю жизнь не кусало ни одно животное!

— Лэм у нас особенная, — говорит Самсон, подъезжая к нам. — Думаю, ты нужен вон тому спящему, Брендон.

— Слушаюсь!

Брендон еще раз нежно поглаживает Лэм.

Лошадь настороженно поворачивает к нему уши. Я догадываюсь, что она относится к нему так же, как я: Брендон может раздражать, но в общем он просто щенок, и поэтому вполне сносен.

— Готова возвращаться? — спрашивает меня Самсон.

— И даже очень.

¹ Название этих существ происходит от имени ирландской богини-воительницы Морриган, обладающей способностью принимать облик ворона или вороны.

Возвращаясь в Тинтагель, мы куда тише, чем бывали когда-то. И нас преследуют не только кошмары. А еще и тишина. Аннун обычно наполнял шум. Это была настоящая какофония птичьих голосов, рева драконов, болтовни, криков и шепота миллионов спящих. Все это гудело в ушах и раздражало, а иногда просто невозможно было услышать собственные мысли. Но это было энергией. Жизнью.

Теперь мы слышим только стук копыт наших лошадей по булыжникам или горестный вой одинокого тюленя на берегу Темзы. И постоянным остается лишь тихое бормотание тысяч сновидцев: *«Один голос. Один голос. Один голос»*.

Наш маршрут снова приводит нас к реке. Лишь несколько месяцев назад ее воды были наполнены дельфинами, а из обломков кораблей к нам зывали сирены. Теперь вода спокойна. Акул и водяных духов не видно с июля. И остальной Лондон выглядит не лучше. Улицы, по которым мы проезжаем, некогда были забиты торговцами и усталыми женщинами, делавшими покупки, да еще медведями и собаками, что сбежали от злых хозяев, заставлявших их драться. А здания менялись от простых бетонных конструкций Итхра семидесятых годов до тех, что были на их местах прежде, — бревна и штукатурка, камень и солома... Сейчас все представляет собой просто копию Итхра, если не считать того, что здания кажутся более серыми, чем в реальном мире.

— Иногда мне хочется, чтобы можно было просто взорвать все кошмары, с которыми мы встречаемся, — говорит Неризан, когда мы едем уже по Стрэнд. — Избавило бы нас от трудов. Вот было бы здорово!

ПОЛНОЧНЫЕ ТАЙНЫ

— Говори за себя, — возражает Олли. — Некоторым тут нравится приносить пользу.

— Вот только Ферн не железная.

Самсон оглядывается на нас и одаряет меня редкой улыбкой. Они с Олли единственные в полку бедеверов, кто знает, как меня раздражает многое. Я должна беречь силы для по-настоящему опасных моментов, учитывая то, что я по-прежнему не могу пользоваться своим Им-мралом, не зарабатывая при этом пульсирующую головную боль и кровотечение из носа. И мне неприятно, когда во мне видят нечто вроде всемогущей богини всевозможных инспайров. Это лишь напоминает мне о моих недостатках.

— Нелегко это — быть Избранной? — шутит иной раз Олли.

И хотя я заставляю себя при этом улыбаться, мне бы хотелось вернуться к моему прежнему сварливому «я» и огрызнуться.

Да что ты можешь знать? У тебя лишь половина силы. А на меня все смотрят с надеждой!

И если я выгляжу унылой и раздраженной, так это потому, что я именно такова. Каждый раз, когда я вхожу в Аннун, то вспоминаю о своей слабости. Я люблю этот мир, но он умирает, и все потому, что я недостаточно сильна, чтобы спасти его.

2

Когда мы приближаемся к Тинтагелю, рееви на стенах останавливаются, чтобы приветствовать нас. Камни на этой части замка осыпаются многие месяцы, и это первый знак слабости, проявленный с тех пор, как он был построен в правление короля Артура. Теперь ремонт — ежедневное занятие, и ослабевшие камни становятся все труднее укреплять.

— Нам может вскоре понадобится твоя помощь! — кричит мне один из рееви, когда мы проезжаем мимо.

Я напряженно киваю.

— Попросите лорда Элленби, — говорит им Самсон. — Я не могу позволить себе надолго потерять одного из моих лейтенантов.

— Мы не можем позволить себе потерять никого, — слышу я голос одного из рыцарей-бедеверов, Майлоса. — Самайн¹ не наступит скорее положенного.

Он абсолютно прав. Две наши битвы с трейтре Мидраута² безнадежно обессилили нас, и не только рыцарей.

¹ *Самайн* — кельтский праздник, знаменующий собой окончание периода сбора урожая и завершение выпаса скота.

² *Мидраут* — валлийская форма имени Мордред. Так звали одного из отрицательных персонажей легенд о короле Артуре.

Другие подразделения присоединились ко второй битве в прошлом году и были сурово за это наказаны — в конце концов, они ведь не были бойцами, так что оказались легкими мишенями для монстров. Мы видели, что ни один трейтре не рисковал приблизиться к Олли или ко мне, потому что мы теперь знали, как сокрушить их, нащупав их величайший страх. Но у нас по-прежнему не было достаточно людей, чтобы проводить регулярные и полные патрулирования Лондона. Нашей единственной надеждой оставался праздник Самайн, когда мы могли рекрутировать много новых танов.

Когда мы обогнули стены замка и подъехали к воротам, подъемный мост опустился, чтобы мы смогли проехать. Пес, окруженный голубым свечением инспайра, залаял при виде нас, но его мягко отогнали, когда он попытался побежать навстречу лошадям. В замке уже хватало животных, потерявших своих хозяев, — венеурам не хотелось брать под опеку еще одного. Во дворе аптекари занимались группой сновидцев, приведенных паломниками. Раньше меня потрясал их вид, но теперь это стало обычным делом — отсутствие ртов, дыры в затылках, через которые изгонялись независимые мысли... Работа Мидраута: часть его неустанных усилий подчинить всех его собственному видению будущего.

Мы отвели своих лошадей в конюшни и обтерли их, прежде чем отпустить пастись на лужайках замка.

— Только не ешь сирень! — предупредила я Лэм, на прощанье похлопывая ее по крупу. — Аптекари здорово отругали меня за это в прошлый раз. Сирень им нужна для морриганов.

Лэм повернула ко мне уши, словно говоря: «Ладно, ладно, как скажешь», и я посочувствовала ей, как никому другому.

Самсон присоединился ко мне, когда я шла от конюшен к замку. Так не терпелось очутиться в рыцарском зале, где меня ждало мое привычное кресло рядом с ревущим огнем камина. Это прекрасное бодрящее средство перед ночным патрулем.

— Ты в порядке? — спросил Самсон, переходя на мою сторону дорожки, чтобы пропустить толпу рееви.

Его рука задела мою руку, и мои щеки вспыхнули. «Боже, Ферн, — подумала я, — держи себя в руках!»

— А ты? — отозвалась я.

Он чуть заметно улыбнулся при моем отказе отвечать на вопрос.

— Я прежде терпеть не мог просыпаться и возвращаться в Итхр.

— А сейчас?

— Нет, мне все равно этого не хочется. — Он улыбнулся. — Но мне и в Аннун приходится противно.

— Да... — протянула я. — Это похоже на то, что тебе приходится наблюдать за тем, как медленно умирает кто-то любимый.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты их поддерживаешь, это ясно, но на самом деле тебе хочется лишь помнить, какими они были, когда были по-настоящему живыми. Я сделаю что угодно, чтобы защитить Аннун, что угодно. Но мне хочется вернуться в тот Аннун, каким он был, когда я только стала рыцарем.

— Вот именно, Ферн. Именно. Иногда... — Он немного помолчал, словно не будучи уверен, что следует в этом признаваться. — Наверное, это ужасно, что мне иногда хочется, чтобы вместо Райфа умер я. Нет-нет, — быстро добавил он, уловив мою тревогу, — нет, я не склонен

к самоубийству или чему-то в этом роде. Я просто... Это как раз то, что ты сказала. Мне нравится помнить Аннун прежним, а не таким, какой он сейчас.

Поднимаясь по лестнице, мы погрузились в молчание. Самсон распахнул дверь и пропустил меня вперед. Внутри Тинтагеля все было так же шумно и суетливо, как всегда. Как в улье, все негромко гудело активностью и целенаправленностью. Справа от меня находился госпиталь, где аптекари занимались сновидцами и танами, врачуя их. Слева Майси, капитан харкеров, склонилась над Круглым столом. На первый взгляд ничего не изменилось. Но страх и тревога висели в замке устойчивым облаком.

— И к тому же, — сказала я Самсону, когда мы снова пошли рядом, — не думаю, чтобы Райфу так уж понравилась эта идея. Как и мне.

Это было самой большой дерзостью, какую только я ему говорила. И мое сердце громко застучало, испугавшись, что я сделала ложный шаг, неправильно истолковав наши чисто профессиональные отношения. Но Самсон улыбнулся.

— Все в порядке, Ферн. Я не из тех, кто отступает. Я увижу все до конца.

— Это не так утешает, как тебе может казаться, — ответила я.

Рейчел, харкер моего возраста, вскинула руку, когда мы проходили по галерее, где она работала.

— Хорошие отчеты сегодня! — крикнул ей Самсон.

Она не ответила, снова склонившись над записями. Я вопросительно посмотрела на Самсона. Совсем недавно Рейчел просияла бы даже при таком маленьком комплименте капитана рыцарей. И как минимум попыта-

лась бы вовлечь нас в разговор: она называла нас *ее* полком, как будто не была харкером, а мы не были рыцарями.

— Значит... — попробовала я вернуться к разговору, но Самсон остановил меня, коснувшись моего плеча.

— Иди вперед, ладно, Ферн? — сказал он и повернул назад.

Я задержалась посреди галереи, наблюдая за тем, как он подходит к Рейчел. И мне стало стыдно. Вот почему лидер — Самсон, а не я. Я инстинктивно отметила странное поведение Рейчел, но пошла дальше, — меня это не касалось, пусть даже я полагала, что мы считаемся подругами. Но Самсон... Самсона это обеспокоило.

Вот почему ты никогда ему не понравишься.

Я развернулась на пятках и быстро зашагала к рыцарскому залу. Мне и не нужно нравиться Самсону. Я не хочу ему нравиться. Да и в любом случае у него ведь есть подруга. Он сам мне это сказал несколько месяцев назад.

В рыцарском зале я оставляю ятаган в своем шкафчике и сдвигаю кресла в некое подобие круга в одном из углов зала. Сажусь в одно из них и жду, когда вернутся из патруля другие лейтенанты. Приходит Олли вместе с Наташей, командиром гэвейнов. Следом — Амина, командир ланселотов.

— Спасибо, что помогла сегодня, — говорит Наташа, устраиваясь рядом со мной. — В Сохо трудно оказалось.

Олли занимает место по другую сторону от меня и легонько пинает меня под столом.

— Нет проблем. Просто маленькая услуга.

— Это не так, — возражает Наташа, сжимая мою руку. — Я же знаю, что это не так. Правда, спасибо тебе.

Командиры дневных патрулей присоединяются к нам, держа кружки с теплым, молочного цвета соком лотоса,

готовясь к трудной смене, и разговор переходит на сравнение докладов ночных патрулей. Как обычно в случаях, когда рядом нет Самсона, чтобы поддерживать порядок, мы тут же увлекаемся другой темой. Мидраут...

— ...Я действительно думаю, что нам необходимо обратиться к духам...

— ...Ты видел, что он на днях сделал с той группой сновидцев? Он как будто пытался *воткнуть* что-то в их головы. Один из аптекарей сказал мне...

— ...Моя сестра вчера забыла имя своей воображаемой подруги. Я понимаю, это может показаться глупым, но я невольно думаю, что и это как-то связано с Мидраутом...

— Можем мы сосредоточиться? — перебивает нас Самсон, становясь рядом с нами.

Когда я смотрю на него под таким углом, то замечаю, что он выглядит совсем по-другому. Это не усталость, такое описание не подходит. Это... тревога? Страх? Разочарование? Возможно, все вместе. Я могла бы спросить Олли, что он думает, но он лишь как-то странно мне улыбнулся бы и спросил, почему меня так интересуют эмоции Самсона.

Я готова уже заняться записями о сегодняшнем патруле, когда одна из рееви заглядывает в зал.

— Ферн? Тебя вызывают.

— Вот повезло! — усмехается Наташа.

Вставая, строю ей гримасу.

— Хочешь поменяться? Я в любой момент готова поменять Джин на отчет.

— Желаю повеселиться! — кивает Олли, хватая мою авторучку и бумагу.

— Мне всегда весело, — сладким тоном отвечаю я, заставляя всех вокруг стола и даже рееви фыркнуть.

Рееви ведет меня в путаницу коридоров рядом с госпиталем, к комнате, что спрятана в конце одного из них. Я неохотно стучу и вхожу, не ожидая ответа. Внутри комната тесная и темная, единственный источник света в ней — маленькое, высоко расположенное окно. Два кресла стоят лицом друг к другу. Одно из них занято одной из самых моих нелюбимых особ в мире. Список, вообще-то, длинный, но она в самом начале.

У Джин тонкое лицо и тонкие губы, и на первый взгляд она совсем не похожа на аптекаря. Она сидит выпрямившись, хотя кресло располагает к расслабленности.

— Снова заблудилась? — спрашивает Джин. — Я думала, твой Иммрал должен приводить тебя туда, куда нужно.

— Не-а. Я все еще обычный человек.

— Ладно, садись.

Мы с Джин смотрим друг на друга с едва скрытой ненавистью, когда я падаю в кресло и поджимаю под себя ноги, прямо в ботинках, просто чтобы позлить ее. Эти сеансы проходят еженедельно, или почти еженедельно, и я прилагаю все свои силы, чтобы избежать их. Но это обязательная терапия для рыцарей и харкеров, сражавшихся с трейтре. Вот только в часах, проведенных с Джин, нет ничего терапевтического.

— Итак, тебя все еще мучают головные боли? — спрашивает Джин.

Я пожимаю плечами, это мой обычный ответ на любой из ее вопросов.

— Хорошо. — Она, вскинув брови, смотрит в свои записи. — А как насчет последних новостей в Итхре? Хочешь чем-нибудь поделиться?

Рейс Х.

Р 35 Полночные тайны : роман / Холли Рейс ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-389-15845-0

Шестнадцатилетняя Ферн Кинг и ее брат-близнец Олли обладают мистической силой. Ночью они переходят таинственный портал и оказываются в мире сновидений — в Аннуне. Его обитатели живут по необычным законам, и вместе с тем Аннун отделяет от реальности очень тонкая грань: если сновидец погибает в потустороннем мире, то проснуться ему не суждено — он умирает во сне. Жертв становится все больше, несмотря на усилия рыцарей-защитников, противостоящих жестокому создателю убийц-трейтре — невероятно изобретательному чародею Мидрауту, который стремится захватить власть в обоих мирах. Ферн и Олли знают, что именно нужно найти в Аннуне, чтобы одержать победу над Мидраутом, и каждую ночь отправляются на поиски, рискуя однажды утром не проснуться...

Вторая книга трилогии о полночных близнецах — впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ХОЛЛИ РЕЙС
ПОЛНОЧНЫЕ ТАЙНЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Юлия Теплова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-SJW-24249-01-R